

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(520)“1945”+355.123.1

МИЛИТАРИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 ГОДА ¹

С. В. Тарасов

Тверской государственный университет,
кафедра всеобщей истории, г. Тверь, Россия

Статья посвящена месту и роли милитаристской идеологии в повседневности военнослужащих Квантунской армии в период советско-японской войны 1945 г. Продемонстрировано, в каких формах она проникала в жизнь военнослужащих, как она влияла на их каждодневные мысли и чувства, а также, какие древние традиции и особенности японского национального менталитета послужили основой для данного процесса. Рассмотрены основные документы, на которых базировалась идеологическая обработка, выяснено, как она различалась в регулярных частях и бригадах смертников, и, соответственно, какие отличия существовали в их повседневности. В завершении делается вывод о том, какое действие на сознание японских военнослужащих оказал непосредственно советско-японский конфликт, а также разница в восприятии капитуляции империи между подчинившимися императорскому указу и принявшими решение продолжать сопротивление вопреки ему.

Ключевые слова: Япония, Маньчжурия, Сахалин, Курильские острова, повседневность, милитаризм, Квантунская армия, советско-японская война, идеология, этнопсихология.

Проблема истории военной повседневности привлекает к себе всё большее внимание исследователей. Японский милитаризм – комплексное и во многом уникальное синтетическое, историческое и идеологическое явление, характерное только для данной страны.

Милитаризм можно определить как государственную идеологию, политику и массовую психологию, имеющие целью наращивание военной мощи государства и ведение постоянных захватнических войн в качестве главного инструмента внешней политики. Это явление приобрело в Японии уникальный характер, так как базировалось на средневековой самурайской традиции, и создало несколько поколений пропитанных шовинистической пропагандой, искренне убеждённых в правоте своих агрессивных действий военных фанатиков, намного превосходивших изуверской жесто-

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Белова.

костью и массовостью репрессий среди населения на оккупированных территориях немецких нацистов. По данным Китая и опирающемся на них мнению некоторых российских исследователей, японскими милитаристами было убито около 30–35 млн человек только в этом государстве². Если к данному числу прибавить потери других стран азиатско-тихоокеанского региона от японской агрессии, то эта цифра увеличивается ориентировочно до 40–45 млн человек³, что превосходит официальные данные о потерях Германии и СССР во Второй мировой войне, вместе взятые. Фанатики императорской армии выплеснули свою жгучую и слепую ненависть ко всему «неяпонскому» на полях сражений многих военных конфликтов, в том числе и советско-японской войны 1945 г. Однако милитаристская идеология оказывала непосредственное влияние и на повседневную жизнь японских военных в целом и Квантунской армии в частности, унифицируя их сознание и стирая всякую индивидуальность и самостоятельность мышления, которые и без того в силу японской этнопсихологии находились на крайне низком уровне. Данный процесс не прекращался на протяжении всей службы – от первого до последнего дня. Идеология внедрялась через крайне жёсткую иерархическую структуру, господствовавшую в японской императорской армии, вследствие чего не принять её и полностью не соответствовать ей для военных было невозможно. Таким образом, материальные и нематериальные аспекты идеологической обработки и реакция военнотружущих на неё становятся предметом изучения в данной статье.

Милитаризм влиял на повседневность в самых различных и многогранных формах. Например, с первого же дня вступления солдата в казарму на него оказывалось грубейшее моральное и физическое давление для прививания духа фанатизма и самопожертвования, а также беспрекословного подчинения старшим по званию, возрасту и даже сроку прибытия на службу – вплоть до одного дня⁴. Идеологией были насквозь пропитаны и все основополагающие нормативные документы, такие, как средневековый кодекс самурайской чести Бусидо, императорский рескрипт Мейдзи солдатам и морякам, военный устав Сендзюнкун, а также боевые уставы и наставления по подготовке различных родов войск.

² Кошкин А. Б. Почти забытый трибунал // Российская Федерация сегодня. 2016. № 5. С. 35–38.

Koshkin A. B., *Pochti zabytyj tribunal*, Rossijskaya Federatsiya segodnya, 2016, № 5, S. 35–38.

³ Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М., 2012. С. 124–155.

Sokolov B. V., *Kto voeval chislom, a kto – umeniem. Chudovishhnaya pravda o poteryakh SSSR vo Vtoroj Mirovoj*, M., 2012, S. 124–155.

⁴ Евдокимов А. Д. Система идеологической подготовки японских солдат в 30–40-е гг. XX в. // Вестн. Рос. Ун-та дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 81–89.

Evdokimov A. D., *Sistema ideologicheskoy podgotovki yaponskikh soldat v 30–40-e gg. XX v.*, Vestn. Ros. Un-ta druzhby narodov, Ser.: Vseobshhaya istoriya, 2011, № 3, S. 81–89.

Бусидо был инструментом идеологической обработки и формирования особого типа сознания не только в армии, но и в обществе в целом. Они, согласно представлениям милитаристов, должны были быть неразделимы, так как каждый японец вне зависимости от пола и возраста в первую очередь провозглашался солдатом императора⁵. В сочетании с этнокультурными особенностями Бусидо закладывало в японский менталитет такие ценности, как самопожертвование, глубочайшее почитание родителей и старших в целом, фанатичная преданность своему господину, роль которого в рассматриваемый период исполнял император, провозглашённый живым богом⁶.

Воспитание на основе данного кодекса, по сути, становилось некоей исходной матрицей, на которую должны были в будущем наложиться все армейские порядки. Его влияние на военную повседневность безусловно, именно им в первую очередь руководствовались военные, особенно офицеры, которые были гораздо лучше солдат знакомы с кодексом, в любых жизненных ситуациях, вплоть до мелочей. Кодекс являлся основным инструментом управления в строго иерархизированном и крайне милитаризованном японском традиционном обществе.

В рескрипте императора Мейдзи солдатам и морякам 1873 г., созданном на основе вышеописанного документа, содержались так называемые «пять слов», представлявшие собой основные правила жизни и службы солдата, общий смысл которых сводился к тому, что солдат, как и самурай прошлого, должен был полностью посвятить себя служению императору как своему богу, отказавшись от собственной жизни. Также провозглашались солдатские добродетели: преданность, честность, простота межличностных отношений и быта⁷. Это был самый первый элемент непосредственно армейской идеологической обработки, начальный шаг, который в сочетании с жестоким обращением должен был превратить гражданского человека в военного фанатика. С этой же целью рескрипт каждый день зачитывался на утренней поверке, чтобы максимально глубоко внушить эти правила солдатам на подсознательном уровне (как это можно понять из художественных фильмов, напр. «Дорогой солдат», 1944, режиссёр: Х. Банг). Последние, в свою очередь, прилежно заучивали и безропотно принимали данные установки, стараясь строго придерживаться их в повседневной жизни.

Однако на практике во время боевых действий в Китае все данные добродетели были отвергнуты, когда появилась возможность выплеснуть

⁵ Иванов С. В. Солдат на фронте. М., 2006. № 10: Пехота Японии 1937–1945 гг. С. 4.

Ivanov S. V., *Soldat na fronte*, M., 2006, № 10: Pekhota Yaponii 1937–1945 gg. S. 4.

⁶ Бусидо. Кодекс чести японского воина. М., 2010.

Busido. Kodeks chesti yaponskogo voina, M., 2010.

⁷ Пронин А. О., Москвитин И. А. К вопросу об особенностях идеологического воспитания в вооружённых силах императорской Японии (1868–1945) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Вып. 4: Востоковедение, Т. 10. С. 69–80.

Pronin A. O., Moskvitin I. A., *K voprosu ob osobennostyakh ideologicheskogo vospitaniya v vooruzhyonnykh silakh imperatorskoj Yaponii (1868–1945)*, Vestn. NGU. Seriya Istoriya, filologiya, 2011, Vyp. 4, Vostokovedenie, T. 10, S. 69–80.

злость, накопившуюся против офицеров, на незащищенное мирное население и военнопленных. Именно тогда императорская армия совершила бесчисленное множество военных преступлений, отличавшихся крайней степенью цинизма и жестокости. Не стала исключением и советско-японская война, являвшаяся, в частности, одним из заключительных эпизодов японо-китайской войны. Здесь также допускались изуверские формы насилия над пленными, так как насквозь пронизанные милитаристской пропагандой японские военные считали их потерявшими воинскую честь и соответственно недостойными человеческого обращения. Это насилие выливалось в самые бесчеловечные казни и даже ритуальный каннибализм, который чаще всего сводился к поеданию печени врага для получения его силы⁸. Пропаганда данного явления также являлась одним из идеологических атрибутов.

Военный устав Сендзюнкун – «памятка японского солдата» – являлся актом на основе двух предыдущих. Он был призван в краткой и доступной форме разъяснить их правила солдатам, которые в основной своей массе были плохо знакомы с полными текстами этих документов. Последняя его редакция, разработанная при активном участии военного министра генерала Тодзио Хидеки – яркого и фанатичного милитариста, была издана в январе 1941 г. и категорически запрещала сдаваться в плен, что дополнительно усиливало идеологическую составляющую японской военной повседневности, заставляя солдат и офицеров самоуничтожаться в любой критической ситуации, предполагавшей капитуляцию⁹. Именно поэтому процент сдавшихся до выхода императорского указа, повелевшего это сделать, был минимален. Боевые уставы и наставления по подготовке различных родов войск дополняли всё вышеописанное, так как содержали в себе запреты на отступление и установки на сражение до последнего солдата в любой ситуации, как, например, в боевом уставе пехоты¹⁰.

Жизнь новобранцев – солдат 2-го класса была особенно тяжела, так как на них в самых жестоких формах вымещали злость все, включая даже их более старших товарищей. Это выражалось в первую очередь в систематических избиениях за малейшую неточность при исполнении приказа или самое незначительное нарушение внутреннего распорядка. Косвенной целью такого воспитания было укрепление духа самопожертвования, чтобы солдаты стремились погибнуть в бою не только вследствие идеологиче-

⁸ Мельников П. И. В Маньчжурском походе: записки воен. корреспондента. Магадан, 1958. С. 3.

Mel'nikov P. I., *V Man'chzhurskom pokhode: zapiski voen. korrespondenta*, Magadan, 1958. S. 3.

⁹ Воинский устав Сендзюнкун [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tanken.com/senjinkun.html> (дата обращения: 05.12.2016).

Voinskiy ustav Sendzyunkun, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.tanken.com/senjinkun.html> (data obrasheniya: 05.12.2016).

¹⁰ Боевой устав пехоты японской армии (1940 г.): пер. с яп. / под ред. Д. Н. Панфилова. М., 1941. С. 37–39.

Boevoj ustav pehoty yaponskoj armii (1940 g.), per. s yap., pod red. D.N. Panfilova, M., 1941, S. 37–39.

ской обработки, но и от невыносимости условий армейской службы, получив освобождение от издевательств через смерть.

Такое положение вещей отражалось даже в песнях того времени. В одной из них, например, содержались строчки: «... спать солдаты, свет гасить, новобранцам слёзы лить»¹¹, что придавало дополнительный антураж, как бы делая все эти издеательства априорной, неотъемлемой частью службы. Солдаты-новобранцы, в свою очередь, тоже скрыто сопротивлялись армейскому насилию, создавая и исполняя песни, направленные как против офицерства¹², так и против отвратительных условий военной службы в целом¹³. Однако по завершении обработки при прохождении курса молодого бойца, включавшего максимально изнурительные тренировки за гранью человеческих возможностей, так как считалось что все трудности, включая и самые невыносимые, можно преодолеть скрытой внутри каждого человека внутренней духовной силой «киай», даже намёки на всякое внутреннее сопротивление прекращались, и солдат уже являлся послушным и совершенно безвольным и безропотным слепым орудием в руках своего командира.

В ходе службы пропагандистская обработка не прекращалась. Самым устойчивым её штампом являлось внушение военнослужащим мифа о непобедимости японской армии, официально не потерпевшей ни одного поражения за всю свою историю (это видно в худ. фильме «Разгром милитаристской Японии», 1945, режиссёр: А. Зенякин). Однако существовало немало других форм данного процесса. Например, из показаний нарушителя советской границы ефрейтора 12-й пехотной дивизии Квантунской армии становится ясно, что офицерами проводились регулярные беседы на следующие темы: «Великая миссия Японии по объединению Азии», «Почитание старших», «Дисциплина – это жизнь части», «Защита северных границ» и т. д. Обычно политинформацию проводил дежурный офицер на вечерней переключке. Для дополнительного исключения всех разрушительных антивоенных влияний на сознание военнослужащих и устранения всяких сомнений в верности идеологии милитаризма солдатам практически полностью запрещалось говорить на политические темы, а нарушители строго наказывались офицерами, узнававшими об этих беседах через разветвлённую систему доносчиков. Также велась жесточайшая цензура переписки, из-за чего письма домой и из дома получались и отправлялись в

¹¹ Дзюмпей Г. Условия человеческого существования. М., 1964. С. 122.

Dzyumpej G., *Usloviya chelovecheskogo sushhestvovaniya*, М., 1964, S. 122.

¹² Каваии Су-тян [Электронный ресурс]. URL: http://www.nihongunka.com/songs/kawaii_suuchan (дата обращения: 10.07.2016).

Kavaii Su-tyan [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.nihongunka.com/songs/kawaii_suuchan (data obrashheniya: 10.07.2016).

¹³ Юки но сингун [Электронный ресурс]. URL: http://www.nihongunka.com/songs/yuki_no_shingun#footnote4_f0jrxsk (дата обращения: 10.07.2016).

Yuki no singun [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.nihongunka.com/songs/yuki_no_shingun#footnote4_f0jrxsk (data obrashheniya: 10.07.2016).

крайне скупом варианте, в основном состоя лишь из нескольких строчек самого общего содержания¹⁴.

Милитаристская агитация вторгалась в жизнь японских военных и через огромное количество визуальных материалов, таких, как картины, плакаты и пропагандистские фильмы (см.: «Армия», 1944, режиссёр К. Киносита), направленные на создание образа «врага» (советские военные по отношению к Квантунской армии). Они возбуждали старую ненависть к русским со времён войны 1904–1905 гг., выставляли противника в крайне негативном свете либо сильно ослабленным. Имела место и дегуманизация противника через изображение его в виде красных демонов, что являлось также и этнокультурным стереотипом¹⁵, либо в виде насекомых-вредителей, подлежащих скорейшему уничтожению. Пропагандистские материалы, в том числе лозунги с призывами сражаться до конца и благодарственными молитвами божественному императору, висели в огромном количестве повсеместно, включая места приёма пищи (см.: «Дорогой солдат»).

Религия также играла важную роль в идейной обработке военнослужащих. В Японии в рассматриваемый период господствовало две основные религии – синтоизм и буддизм. Синтоизм как прославляющий великую миссию Японии особенно хорошо подходил в качестве пропагандистского инструмента и использовался для воспитания как всего общества, так и армии, в частности, в духе создания великой Японии, которая должна была выполнить особую миссию по освобождению восточных народов из-под «ига белой расы». Именно на основании догм данной религии были выведены постулаты о божественности императора как сына богини солнца Аматерасу, а также японской нации и государства в целом, слепая вера в которые и образовывала одну из самых прочных основ милитаристской идеологии. После смерти прах павших в сражениях воинов погребался в синтоистском храме бога войны Ясукуни, а сами они причислялись к лику богов – покровителей японской нации «ками». Стремление как можно скорее обожествиться, погибнув в бою, также являлось одной из повседневных мыслей японского военнослужащего.

Буддизм с 30-х до середины 40-х гг. XX в. активно вытеснялся синтоизмом. Милитаристами создавались многочисленные секты, такие, как «дзен» или «новое синто»¹⁶. Постулаты буддизма позволяли мобилизовать

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 294. Оп. 6980. Д. 84. Л. 244.

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 294. Op. 6980. D. 84. L. 244.

¹⁵ Воробьева П. О. Стереотипные образы Японии и России // Япония: ежегодник. 2008. № 37. С. 162–182.

Vorob'eva P. O., *Stereotipnye obrazy Yaponii i Rossii*, Yaponiya: ezhegodnik, 2008, № 37, S. 162–182.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСИ). Ф. 495. Оп. 123. Д. 537. Л. 44–45.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), F. 495, Op. 123, D. 537, L. 44–45.

внутренние силы каждого военнослужащего на борьбу, а также научить его максимально долгое время обходиться практически без всего, даже без ряда основных человеческих потребностей.

Проявлялась милитаристская пропаганда и в предметах личного обихода военных, вплоть до мелочей. Все персональные вещи, такие, как пиалы для саке и тысячи других предметов, содержали в своей раскраске сюжеты и лозунги исключительно на армейскую тему, что преследовало одну единственную цель: обеспечить непрерывное и легко запоминающееся соприкосновение японского военного с идеологией в повседневной жизни¹⁷. Каждому из военнослужащих с той же целью выдавался личный японский флаг, на котором расписывались все его товарищи, что также играло немаловажную роль в обработке, укрепляя боевое братство внутри армейской части, принадлежностью к которой в силу невероятно мощного группового менталитета японцев, во многом и определявшего их повседневность, солдаты и офицеры очень сильно гордились. Всё обмундирование военнослужащих, включая личное оружие, объявлялось личной собственностью японского императора, т. е. живого бога на Земле, и помечалось его знаком – цветком хризантемы. Это означало, что относиться ко всем вещам было необходимо с высочайшим уважением и почтением, содержа их в идеальной чистоте и порядке, так как считалось, что микадо отдал их на почётное хранение военным на время армейской службы и, разумеется, вернуть божественную собственность необходимо было в первозданном виде.

Отдельного внимания заслуживает подготовка бригад смертников – пилотов камикадзе («божественный ветер»), противотанковых живых мин тейсинтай («ударные отряды») и диверсантов-самоубийц кирикомитай («отряды, атакующие холодным оружием»), на которые, впрочем, всячески старалась равняться в своих действиях и вся остальная армия, так как имперская пропаганда, которой неукоснительно верили японские военные, особенно на завершающем этапе Второй мировой войны, немедленно объявляла их национальными героями и образцами для подражания всему народу. Идеологическая обработка этих подразделений, считавшихся элитными, была ещё более усиленной и беспощадной, нежели в регулярной армии. В целом она базировалась всё на том же Бусидо и предполагала выработку абсолютного презрения к смерти. Это следует, например, из показаний командира бригады тейсинтай японского майора Морита Макото, который отмечает, что к личному составу бригады предъявлялись повышенные требования, и состоять она должна была только из самых лучших по всем показателям солдат и офицеров Квантунской армии. Личный состав бригады должен был быть воспитан в глубокой преданности своей родине и японскому императору и готов к самопожертвованию¹⁸. Особенно жесто-

¹⁷ Пронин А. О., Москвитин И. А. Указ. соч. С. 69–80.

Pronin A. O., Moskvitin I. A., *Op. cit.*, S. 69–80.

¹⁸ Протокол допроса военнопленного японской армии майора Морита Макото [Электронный ресурс]. URL: <http://promreview.net/moskva/protokol-doprosa>

кие методы воспитания и обработки имели место в авиации, где от невыносимости тренировок имели место массовые самоубийства среди курсантов лётных академий. Но в то же время о выживших выпускниках можно было сказать, что эта категория военных считала смыслом жизни исключительно милитаристскую идеологию и каждую секунду была готова отдать жизнь за императора без малейшего колебания, что не раз проявилось в ходе завершающего периода Второй мировой войны, в частности во время советского наступления в Маньчжурии.

Советско-японская война наложила глубокий отпечаток на идеологическую составляющую японской повседневности. Неожиданное и стремительное наступление Красной армии, без особого труда громившей преимущественно пехотные части армии Квантунской, рассчитывавшей на долговременную оборону, опиравшуюся на сеть укрепрайонов, а также выход в самый разгар боевых действий 15 августа императорского указа о безоговорочной капитуляции вооружённых сил внесли глубочайшее смятение в сознание японских военных. Несмотря на дух фанатизма, большая часть подразделений безропотно подчинилась решению Хирохито, однако гарнизоны отдельных укрепрайонов, отрезанных от внешнего мира, оказавшиеся в окружении, бригады воздушных и сухопутных смертников, партизанские отряды, состоявшие из отбившихся от своих частей солдат и офицеров, ничего не знавших об этом указе или упрямо считавших его вражеской пропагандистской ложью, а также войска 5-го фронта прямого подчинения Императорской ставке, дислоцировавшиеся на Сахалине и Курильских островах, приняли решение продолжать ожесточённое организованное сопротивление вопреки решению микадо ещё достаточно долгое, по меркам данного весьма скоротечного конфликта, время – до 23 августа, а небольшие отдельные группы японских войск сражались вплоть до 10 сентября, т. е. даже после официального подписания акта о капитуляции. Всё это демонстрирует, насколько идеологическая обработка милитаризмом, усиленным религией, этнопсихологией и антирусской пропагандой, пропитала их сознание в целом, а также повседневные мысли и действия в частности.

Японская военная повседневность не имеет аналогов по глубине индивидуализированности личности и полному соответствию солдат и офицеров японской императорской армии в целом, и Квантунской в частности, тем установкам, которые от них требовало государство, порождая крайнюю степень военного фанатизма. Жесточайшая борьба даже с намёками на инакомыслие – «опасными мыслями» – как в армии, так и в обществе в целом велась силами военной полиции кемпейтай, обладавшей для этого практически неограниченным спектром полномочий, позволявшим

voennoplenno-go-yaponskoi-armii-maiora-morita-makoto?page=0,1 (дата обращения: 05.12.2016).

Protokol doprosa voennoplenno-go yaponskoj armii majora Morita Makoto, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://promreview.net/moskva/protokol-doprosa-voennoplenno-go-yaponskoi-armii-maiora-morita-makoto?page=0,1> (дата обращения: 05.12.2016).

из-за практически абсолютной лояльности японцев к власти незамедлительно арестовывать любых диссидентов¹⁹. Японские военные были превращены пропагандистской обработкой в сочетании с этнокультурными особенностями в солдат-машин – высокодисциплинированные живые автоматы для исполнения приказов вышестоящих, – которые, как провозглашалось, исходили напрямую от императора, – нисколько не сомневающиеся и не задумывающиеся о своих действиях и их последствиях.

Список литературы

1. Воробьева П. О. Стереотипные образы Японии и России // Япония. Ежегодник. 2008. № 37. С. 162–182.
2. Евдокимов А. Д. Система идеологической подготовки японских солдат в 30–40-е гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 81–89.
3. Иванов С. В. Солдат на фронте. М.: АРС, 2006. № 10: Пехота Японии 1937–1945 гг. 50 с.
4. Кошкин А. Б. Почти забытый трибунал // Российская Федерация сегодня. 2016. № 5. С. 35–38.
5. Пронин А. О., Москвитин И. А. К вопросу об особенностях идеологического воспитания в вооружённых силах императорской Японии (1868–1945) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 69–80.
7. Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М.: Яуза–Пресс, 2012. 288 с.

MILITARIST IDEOLOGY IN THE EVERYDAY LIFE OF SOLDIERS OF THE KWANTUNG ARMY DURING THE SOVIET-JAPANESE WAR 1945

S.V. Tarasov

Tver State University, Department of General History, Tver, Russia

The article is devoted to the influence of the Japanese militarist ideology in the daily military Kwantung Army during the Soviet-Japanese War in 1945. Demonstrated in what forms, and it penetrated into the military life, how it affects their daily thoughts and feelings, as well as some ancient traditions and peculiarities of the Japanese national mentality was the basis for this process. The main documents, which are based, on indoctrination and how it differed in active units and teams of suicide bombers, and, accordingly, what differences exist in their everyday life. At the conclusion discussed what effect on the consciousness of the Japanese military had directly Soviet-Japanese conflict, and the difference in perception between the empire surrender to subordinate imperial decree and decided to continue the resistance in spite of it.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 537. Л. 130.
RGASPI. F. 495. Op. 123. D. 537. L. 130.

Keywords: *Japan, Manchuria, Sakhalin, the Kuril Islands, daily, militarism, the Kwantung Army, Soviet-Japanese War, ideology, ethnic psychology.*

Об авторе:

TARASOV Станислав Витальевич – аспирант, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: ctas_tarasov@mail.ru

About author:

TARASOV Stanislav Vital'evich – the Postgraduate Student, the Department of General History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: ctas_tarasov@mail.ru

References

- Vorob'eva P. O., *Stereotipnye obrazy Japonii i Rossii*, Japonija. Ezhegodnik, 2008, № 37, S. 162–182.
- Evdokimov A. D., *Sistema ideologicheskoy podgotovki japonskih soldat v 30–40-eg. XX v.*, Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov, Serija Vseobshhaja istorija, 2011, № 3, S. 81–89.
- Ivanov S. V., *Soldat na fronte*, M., ARS, 2006, № 10, Pehota Japonii 1937–1945 gg. 50 s.
- Koshkin A. B., *Pochti zabytyj tribunal*, Rossijskaja Federacija segodnja, 2016, № 5, S. 35–38.
- Pronin A. O., Moskvitin I. A., *K voprosu ob osobennostjah ideologicheskogo vospitaniya v vooruzhjonnyh silah imperatorskoj Japonii (1868–1945)*, Vestnik NGU, Serija «Istorija, filologija», 2011, T. 10, Vyp. 4, Vostokovedenie, S. 69–80.
- Sokolov B. V., *Kto voeval chislom, a kto – umeniem. Chudovishhnaja pravda o poterjah SSSR vo Vtoroj Mirovoj*, M., Jauza–Press, 2012. 288 s.

Статья поступила в редакцию 07.04.2017 г